

Натали Рош

ТРАКТИР

«У ПОСЛЕДНЕГО ГЕРОЯ»

Натали Рош

Трактир «У последнего героя»

<https://litres.ru/74110751>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие разворачивается в условном фэнтезийном мире, лишённом чётких временных координат. В трактире «У последнего героя» реальность подчиняется не законам магии, а законам уюта, иронии и хорошо прожаренного пирога. Грег — бывший герой по прозвищу Сокрушитель Черепов, ныне трактирщик с больным коленом, циничным чувством юмора и неудобными стульями. Он повесил меч на гвоздь двадцать лет назад, но прошлое не повесишь — оно сидит в шкатулке в виде наконечника стрелы и мешает спокойно жить. Когда в трактир приходит воительница с вестью о гибели целого города, Грегу приходится вспомнить, с какой стороны братья за меч, и отправиться туда, куда он поклялся не возвращаться. В Башню, где заключён тот, кого Грег когда-то называл другом, а теперь вынужден называть главной угрозой миру. Но главная боль — собственная память, которая бьёт точнее любой стрелы.

Можно ли исправить ошибку двадцатилетней давности, если цена исправления — остаться в Башне и разделить бремя, которое не под силу одному?

Содержание

Глава 1. О пользе неудобных стульев	4
Глава 2. Стрела, которая промахнулась	10
Глава 3. Похмелье совести и завтрак для героев	19
Глава 4. Морриган и долгая история за стаканом портвейна	24
Глава 5. Как закрыть трактир и не закрыть сердце	30
Глава 6. Рассвет, ромашка и первый шаг	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Натали Рош

Трактир «У последнего героя»

Глава 1. О пользе неудобных стульев

Трактир «У последнего героя» стоял на перекрестке дорог, ведущих в никуда. Добраться до него можно было, только если ты окончательно заблудился или отчаялся. Собственно, этим сюда и заносило посетителей.

Внутри пахло можжевелевым дымом и свежей выпечкой. За стойкой, протирая кружку с таким видом, будто та была виновата во всех грехах мира, стоял Грег. Мужчина лет сорока с лицом, которое помнило сотни битв, но предпочитало вспоминать только те, которые заканчивались обедом. Когда-то он носил прозвище Грег Сокрушитель Черепов. Теперь же, скосив глаза на ценник с надписью «Скидка на эль после шести скорбных вздохов», он понимал, что жизнь определенно наладилась.

Стулья в трактире были нарочно неудобными. Жесткими, с кривыми ножками. Не из скупости. Просто Грег свято ве-

рил: герой, устроившийся с комфортом, теряет хватку и начинает философствовать. А философствующий герой — это убыток: заказывает мало, сидит долго, а потом еще и счет оспаривает, ссылаясь на тщетность бытия.

Дверь скрипнула, впуская запах сырой шерсти и прогоревших рун. Вошел эльф. Вид у него был классический — уши острые, взгляд грустный, как у рыбы, прочитавшей сонет Шекспира. Он сел за стойку, уронил голову на руки и простонал:

— Всё тлен. Искусство умерло.

— Деньги живы, — философски заметил Грег, придвигая кружку. — Плати звонкой монетой, остроухий, и я воскрешу для тебя жареную картошку.

— Вы не понимаете! — эльф вскинул голову. — Я бард. Я ищу рифму к слову «апокалипсис». И не нахожу! Моя муза покинула меня, обчистив карму до нитки.

Грег хмыкнул. Он достал с полки пыльную бутылку с этикеткой «Амброзия. Срок годности: до Сотворения Мира» и плеснул янтарной жидкости в стакан эльфа.

— Не благодари, — трактирщик вытер руки о фартук. — С тебя три медяка за эль.

Эльф сделал глоток и заплакал. Грег отвернулся к окну, за которым ветер гонял пыль веков. Он не любил, когда плачут. Это напоминало ему о временах, когда он сам мог плакать.

В трактире есть правило: мы не лезем в души, мы просто подливаем. Но иногда эль творит чудеса, и душа сама вы-

плескивается через край. И это, пожалуй, была единственная магия, которую Грег до сих пор уважал.

Слухи о трактире Грега разлетались, как запах подгоревшей каши. Поэтому контингент был пестрым. Ближе к вечеру, когда бард уже спал лицом в тарелке, дверь сотряслась от мощного удара, и на пороге возник Огр.

Великан был ростом с хорошую башню, с кожей цвета болотной тины и маленькими глазками, полными вселенской скорби. В руках он держал букетик полевых ромашек. Букетик дрожал.

— Мне нужно излить душу, — прогудел Огр таким голосом, что кружки на полках мелко задрезжали.

— Изливать душу у нас можно только в зале для меланхолии, — строго сказал Грег. — Доплата две монеты.

— У меня нет денег. Я принципиально против товарно-денежных отношений, они калечат ауру, — прогудел Огр и помахал ромашками. — Вот. Это в счет оплаты. Я сам вырастил.

Грег вздохнул. Отказать Огру в просьбе — все равно что попытаться остановить оползень при помощи салфетки. Он махнул рукой в угол, где стояло особенно уродливое кресло, набитое костями дракона (чтобы седалище помнило о бренности жизни).

— Что стряслось, Добрый Малый? — спросил Грег, зная, что Огры ненавидят, когда их называют Добрыми Малыми, и от этого быстрее выкладывают суть.

— Я больше не могу никого есть! — взвыл Огр, и по его щеке скатилась огромная, как слива, слеза. — Вчера я поймал принцессу. Уже и чеснок приготовил, и лавровый лист... А она посмотрела на меня и спросила: «Ты точно в порядке? У тебя такие грустные глаза». И дала мне визитку своего психоаналитика!

Грег крикнул, стараясь сохранить серьезное лицо.

— И что же? — спросил он.

— Я записался на прием! — Огр разрыдался, уткнувшись носом в букетик ромашек. — В среду у меня сеанс. Я чудовище, Грег! Я жалкое, травоядное, рефлексирующее чудовище!

Трактирщик обошел стойку, крихтя и потирая больное колено. Он похлопал великана по плечу и сказал то, что всегда говорил в таких случаях:

— Знаешь, парень, чудовище — это не биологический вид. Это профессия. А из профессии всегда можно уйти. Попробуй пирог с капустой. Он, конечно, не принцесса, зато хрустит и не выписывает счетов за терапию.

Огр поднял заплаканные глаза. В них зажглась искорка надежды. И в этот момент Грег понял, что трактир снова выполнил свою функцию: спас кого-то от безысходности иронией и вкусным пирогом.

Но где-то глубоко внутри, под слоем житейского цинизма и пыли, зашевелилась старая боль. «А кто спасет тебя, Грег?» — прошептал внутренний голос. Трактирщик загнал

его поглубже и налил себе кружку «Забвения долгов». Нет ничего хуже, чем протрезвевшая совесть.

У камина воздух задрожал, и внезапно материализовалась фигура в капюшоне без лица. Посетитель прошелестел:

— Скажи, Грег Сокрушитель Черепов. Что возвращает вкус к жизни, когда ты потерял всё?

Грег вытер руки о фартук, подошел к столу и сел напротив. Старые раны ныли. Он долго смотрел в пустоту под капюшоном, а потом улыбнулся — тепло и чуть грустно.

— Понимаешь... вкус к жизни возвращает не победа. И уж точно не магия. Вкус к жизни возвращает вот этот дурацкий Огр с ромашками, который жрет капусту и боится обидеть психоаналитика. Вкус к жизни — это когда тебя пробирает до слез от того, какие мы все идиоты... и как мы друг друга держим, несмотря ни на что.

Он помолчал и добавил:

— И еще соль. В жизни обязательно должно быть немного соли. Иначе будет слишком пресно.

Посетитель медленно, будто пробуя на ощупь мир, взял из солонки щепотку. Посыпал на край стола. А потом исчез, оставив после себя запах скошенной травы и мокрых от дождя дорог.

Грег поднял глаза к потолку.

— Прости меня, старый друг, — прошептал он.

Трактирщик налил две кружки. Одну — себе, вторую — напротив.

— За тех, кто не вернулся, — сказал он в пустоту. — И за тех, кто возвращает нам вкус.

Глава 2. Стрела, которая промахнулась

Ночь накрыла трактир тишиной. Тишина эта была не мертвой, а скорее задумчивой, как старый кот, который притворяется спящим.

Трактир засыпал всегда по-разному. Иногда он затихал мгновенно, будто кто-то щелкнул выключателем. Иногда долго кряхтел половицами, вздыхал остывающим камином и перешептывался углями до самого рассвета: это значило, что кому-то из постояльцев не спалось, и трактир, как старая добрая нянька, бодрствовал вместе с ним.

Сегодня трактир не спал.

Огр ушел час назад, унося под мышкой горшочек с капустной рассадой — Грег вручил ему в качестве символа новой травоядной жизни. Уходя, великан обернулся в дверях и спросил:

— Грег, а у тебя самого-то всё в порядке? У тебя глаза... как у меня до капусты.

Грег тогда отмахнулся полотенцем, буркнул что-то про «выдумки». Но сейчас, сидя в одиночестве за стойкой, он вынужден был признать: Огр, при всей своей внешней неотесанности, умел видеть суть. Наверное, в этом и был секрет хороших чудовищ — они чуяли боль, потому что сами со-

стояли из нее.

Бард спал в углу на ворохе тростниковых циновок, свернувшись, как кот, которому снилась сметана. Во сне шептал рифмы. Получалось скверно, но искренне.

Грег смотрел на него почти с нежностью. Почти. Потому что нежность трактирщика — это такая специфическая субстанция: она существует, но проявляется исключительно в подогретом ужине, оставленном на столе, или в лишней порции эля, налитой «за счет заведения» под видом «бракованной партии».

За окном висела круглая желтая луна, как головка сыра, который забыли убрать в погреб. Грег сидел, подперев голову рукой, и смотрел на огонь.

Огонь — хороший собеседник, который никогда не спорит и всегда соглашается. Но сегодня даже он вел себя странно: языки пламени то и дело окрашивались в зеленый, а тени по углам сгущались плотнее обычного. Трактирщик знал этот признак. Так бывает, когда в мир просачивается она. Та, что сильнее магии, старше богов и упрямее налоговой инспекции. Та, с которой он клялся никогда больше не иметь дела. Память.

Грег вздохнул, потер переносицу и достал из-под стойки старую шкатулку. Дерево ее потемнело от времени, петли проржавели, а замок был залит воском — не для того, чтобы никто не открыл, а для того, чтобы он сам лишний раз не совался. Но сегодня был именно такой вечер, когда «лишний

раз» становился «самым необходимым».

Воск почти беззвучно поддался. Внутри, на бархатной подушечке, выцветшей до серого, лежал наконечник стрелы. Это был «близнец» стрелы, выпущенной Грегом двадцать лет назад. Как вещественное напоминание...

— Тео, старый друг, — произнес Грег, и собственный голос показался ему чужим. Слишком громким для пустого зала.

Имя прозвучало — и тишина в трактире стала другой. Не задумчивой, как минуту назад, а настороженной, притаившейся. Даже бард перестал бормотать во сне. Даже огонь в камине присел, будто испуганный зверек.

Грег вынул наконечник и положил на стойку. Металл тускло блестел в свете свечи.

— Двадцать лет, — сказал Грег наконечнику. — Двадцать лет, три месяца и четыре дня. Я считал. Считал каждую проклятую годовщину, каждый день рождения, который ты не встретил, каждую зиму, которую ты не пережил. Я даже эль назвал в твою честь. «Светлый». Знаешь, он совершенно не продается. Слишком горький. Но я упрямо варю его раз в год и выпиваю всю партию сам.

Наконечник молчал. Металл вообще неразговорчив.

Грег откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. И память, только этого и ждавшая, навалилась на него теплой волной, утягивая на двадцать лет назад.

...Им было по двадцать. Ну, может, чуть больше — герои

врут о возрасте так же часто, как о количестве спасенных принцесс. Грег Сокрушитель Черепов и Тео по прозвищу Светлый шли через Гиблую Топь. Тео прозвали Светлым не за цвет волос — они у него были темные, вечно лохматые, — а за идиотскую привычку улыбаться даже тогда, когда ситуация была, мягко говоря, дерьмовой. А в Гиблой Топи ситуация была именно такой примерно всегда.

— Грег, — говорил Тео, перепрыгивая через очередную ядовитую лужу, — ты когда-нибудь задумывался, что вот эти вот все наши подвиги — они же бессмысленны?

— Задумывался, — бурчал Грег, вытаскивая сапог из трясины. — Но мне платят, а это лучше, чем пахать землю.

— Мы же живем, Грег! — Тео остановился посреди тропы, раскинул руки и закружился на месте, как ребенок, впервые увидевший снег. — Мы дышим этим гнилым воздухом, мы видим это серое небо, мы слышим, как квакают жабы-переростки! И это — чудо! Каждое мгновение — чудо! А мы его тратим на то, чтобы кого-то убивать!

— Убивать некромантов — это не «кого-то», — резонно заметил Грег. — Это социально одобряемое мероприятие.

Тео расхохотался. Смех у него был как горный ручей — светлый, быстрый, совершенно неуместный посреди болота.

— Социально одобряемое! — повторил он. — Ты прелесть, Грег. Знаешь, когда всё это закончится, я открою трактир. Честное слово. Маленький такой трактир на перекрестке. И буду сидеть там, слушать чужие истории и никого не

стану убивать.

— Ты? Трактирщик? — Грег фыркнул. — Ты же эль от вина не отличаешь.

— Научусь! — глаза Тео горели. — Или найму кого-нибудь. Главное — не убивать, понимаешь?

Грег тогда не понял. Он понял позже.

Потом они дошли до башни. Прорубились через орды скелетов (Тео при этом умудрялся извиняться перед каждым: «Прости, дружище, ничего личного, кости потом соберем, честное слово!»). Добрались до тронного зала, где сидел Некромант — старый, усталый, с глазами, полными бесконечной, вселенской скуки.

— Наконец-то, — сказал Некромант, увидев их. — Я вас ждал. Честно говоря, уже надоело.

Он не стал сражаться. Он просто встал с трона, отряхнул мантию и сказал:

— Башня не терпит пустоты. Убьете меня — кто-то из вас займет мое место. Это древнее правило, не я его придумал. Я устал, я хочу на покой. Так что решайте, мальчишки: кто останется здесь, а кто пойдет дальше.

И Грег, не раздумывая ни секунды, выхватил лук.

Он до сих пор помнил лицо Тео в тот миг. Не боль, не страх — удивление. Будто он никак не ожидал, что лучший друг выстрелит ему в грудь. Стрела вошла точно под ключицу. Не смертельно — Грег умел стрелять. Достаточно, чтобы парализовать, обездвижить, оставить.

— Прости, — сказал Грег, опуская лук. — Но ты сам говорил: трактир, а не убийства. У тебя получится лучше.

Он повернулся и пошел прочь. За спиной кричал Тео — не от боли, от ярости: «Грег, ты сволочь! Грег, вернись! Грег, я тебя убью! Грег... Грег, пожалуйста...»

Последнее слово он услышал уже на лестнице. «Пожалуйста». И это «пожалуйста» преследовало его двадцать лет, три месяца и четыре дня.

Грег открыл глаза. Свеча почти догорела. За окном по-прежнему висела луна — равнодушная ко всему, как старая монета. Наконечник стрелы лежал на стойке и, казалось, слегка светился изнутри зеленоватым светом.

— Ты знаешь, — сказал Грег, обращаясь то ли к наконечнику, то ли к самому себе, — я ведь действительно открыл трактир. Как он и хотел. Только он должен был стоять за этой стойкой, а не я. Он бы улыбался каждому посетителю, он бы помнил имена всех бардов и огров, он бы изобрел какой-нибудь фирменный коктейль «Улыбка Тео» и разбогател. А я... я сижу тут, как вор, занявший чужое место, и пытаюсь... пытаюсь...

Он не закончил. Слова застряли в горле, как кость.

В этот момент тень в углу — та самая, что сгущалась с самого вечера, — шевельнулась. Отделилась от стены. Сделала шаг вперед. Другой. И у стойки снова возникла фигура в капюшоне — высокая, статная, с пустотой вместо лица.

— Двадцать лет, три месяца и четыре дня, — прошеле-

стел голос. Бесплотный, как ветер над болотом, и такой же тоскливый. — Ровно столько, сколько ты держал эту стрелу. Ровно столько, сколько я ждал.

— Ты не он, — сказал Грег. — Ты тень. Ты даже не призрак. Ты — функция. Башня говорит через тебя.

— Башня говорит через меня, — согласилась фигура. — Но чувствую я — сам. Ты не представляешь, Грег, каково это — сидеть в башне двадцать лет без лица, без имени, без права умереть.

— Представляю, — ответил трактирщик. — Я представляю это каждый проклятый день.

Он встал со стула. Колено привычно заныло — к перемене погоды, не иначе.

— Зачем ты пришел? Хочешь, чтобы я занял твое место? Освободил тебя?

— Хочу, — прошелестела тень. — Но не только. Я хочу спросить: ты счастлив, Грег? За эти двадцать лет — ты был счастлив хоть раз?

Вопрос повис в воздухе, как дым. Грег открыл рот, чтобы ответить привычной шуткой, отмашкой, чем-то вроде «конечно, я же трактирщик, а не герой, у нас профсоюз и скидки на эль». Но слова не шли. Потому что врать тени лучшего друга — это даже для него было слишком.

— Я... — начал он и замолчал.

Тень ждала.

— Я не знаю, — наконец сказал Грег. — Я не думал об

этом. Я просто... жил. День за днем. Эль за элем. История за историей. Иногда — как вчера, с этим огром и его капустой — мне казалось, что я нашел смысл. Иногда — как сегодня — мне кажется, что я последняя сволочь в этом мире, и никакой трактир этого не искупит.

Тень слегка колыхнулась. Если бы у нее было лицо, Грег мог бы поклясться, что она улыбнулась.

— Значит, ты жив, — сказала она. — Это хорошо. Живые должны мучиться. Мертвым это уже не нужно.

Она отступила на шаг, сливаясь с темнотой.

— Подожди! — Грег шагнул вперед, забыв про больное колено. — Тео! Что мне делать? Как мне... как мне искупить?

Тень почти исчезла, но ее голос донесся уже из ниоткуда:

— Ты уже искупаешь. Каждым днем. Каждым огром. Каждым неудобным стулом. Трактир «У последнего героя» — это не наказание, Грег. Это — твое искупление. Продолжай.

Бард в углу перевернулся на другой бок и пробормотал: «Искупление... искривление... откровение... Рифма!»

Грег постоял еще минуту, глядя в темноту. Потом взял наконечник стрелы, поцеловал его — чего не делал ни разу за двадцать лет — и убрал обратно в шкатулку.

— Продолжу, — сказал он вслух. — Куда я денусь.

За окном начинался рассвет. Где-то в Гиблой Топи жабы заводили свою бесконечную песню. Где-то в башне без окон фигура в капюшоне стояла у алтаря, и пустота на месте лица чуть-чуть, едва заметно, теплела.

А в трактире «У последнего героя» начинался новый день.
И нужно было месить тесто для пирогов.

Глава 3. Похмелье совести и завтрак для героев

Утро в трактир «У последнего героя» входило не решительным шагом, а бочком, словно извиняясь за вчерашнее. Солнечный луч, пробравшийся сквозь мутноватое оконце, был робок и нетороплив — он долго обнюхивал пылинки в воздухе, прежде чем осмелиться упасть на стойку, где спал Грег.

Спал — громко сказано. Он дремал, положив голову на руки, и даже во сне лицо его сохраняло выражение человека, который всю ночь разговаривал с покойниками, а теперь вынужден составлять им опись имущества. Рядом стояла пустая кружка из-под «Забвения долгов» и нетронутая — та самая, что он наливал для тени.

Бард проснулся первым. Он сел на своих циновках, потянулся с грациозным хрустом всех позвонков и оглядел зал свежим взглядом. Заметил спящего трактирщика, пустую кружку напротив и присвистнул.

— Ого, — сказал он с пониманием, которое бывает только у людей, знакомых с утренним раскаянием не понаслышке. — Кажется, у кого-то была ночь откровений. Бедняга. Знаю я эти ночи. После них рифмуешь «кровь» и «любовь», а это дно.

Он на цыпочках, стараясь не шуметь (получалось плохо — эльфы вообще не приспособлены к скрытности в быту), подошел к стойке. Снял с крючка фартук Грега, повязал поверх своей расшитой туники, закатал рукава и направился к плите.

Готовить он не умел. Но искусство, как известно, это на девяносто процентов наглость, а наглости эльфу было не занимать.

Через полчаса Грега разбудил запах. Запах был... специфический. Он напоминал одновременно подгоревший сыр, корицу, мускатный орех и чьи-то оправданные опасения.

Трактирщик поднял голову, поморщился от боли в шее (спать на стойке — удовольствие для юных героев, а не для сорокалетних трактирщиков с букетом хронических травм) и увидел эльфа с кулинарной лопаткой.

— Ты что делаешь? — хрипло спросил он.

— Готовлю завтрак! — радостно сообщил бард. — Это, правда, планировался омлет, но, кажется, я изобрел новый вид строительного раствора. Ничего, сейчас добавим базилик, и будет шедевр!

Грег хотел было рявкнуть, что базилик не спасет строительный раствор, но потом посмотрел на эльфа — на его перепачканный мукой нос, на восторженные глаза, на то, как старательно он пытается перевернуть лопаткой нечто безнадежно пригоревшее... И вспомнил Тео. Тот тоже не умел готовить. И тоже улыбался, когда пытался.

— Базилик в банке с надписью «Не базилик», — сказал Грег устало, без злости. — А то, что ты сыпал до этого, — это корица. Омлет с корицей. Гениально. Ты только что изобрел блюдо, которое вызовет гастрономическую депрессию у целого поколения.

Эльф на секунду задумался, потом просиял:

— Это же отличная строчка для баллады! «Омлет с корицей, о, брат мой, свергает душу в мрак и траур...»

— Лучше просто выбрось это и поставь чайник, — оборвал его Грег, поднимаясь.

Они позавтракали хлебом, сыром и крепким чаем — эльф ворчал, что чай недостаточно изыскан, Грег ворчал, что эльф недостаточно молчалив. Это был уютный, почти семейный обмен претензиями, который странным образом согревал лучше всякого камина.

После завтрака бард ушел — его муза, видите ли, требовала уединения где-нибудь на природе, желательно рядом с водопадом, чтобы шум воды заглушал неудачные рифмы.

Грег остался один. Он протер стойку, пересчитал бутылки, починил табуретку, на которую еще в прошлый вторник сел один особо упитанный паладин, и которая с тех пор угрожающе потрескивала при виде любого, кто весил большекота. Приготовил свои фирменные пироги. Работать руками было хорошо и приятно.

Но когда дневные дела кончились, а до вечернего наплыва посетителей оставалось еще часа два, Грег понял, что от

себя не убежишь. Он сел за стойку, снова достал шкатулку, открыл ее и долго смотрел на наконечник.

— Продолжай, — прошептал он себе под нос. — Легко сказать. А как продолжать-то, когда...

Он не успел сформулировать мысль. Потому что дверь скрипнула, и в трактир вошла женщина.

Грег захлопнул шкатулку и поднял глаза.

Женщина была высокая, статная, с волосами цвета меди и глазами, в которых читалась биография, полная приключений. О таких говорят: «Она могла бы завоевать мир, но ей стало скучно на полпути». Доспехи на ней были легкие, походные, но из хорошей стали — такие носят те, кто знает цену и защите, и мобильности. На поясе висел меч без ножен (странная мода у некоторых героев), а на плече сидел ворон — черный, глянцевый, с наглым выражением клюва.

— Трактир «У последнего героя»? — спросила женщина голосом, похожим на дым над костром. Низким, обволакивающим, с искрами.

— Он самый, — ответил Грег, стараясь не выдать удивления. — Ищем героев?

— Нет, — она прошла к стойке и села, не спрашивая разрешения. Ворон переступил с лапки на лапку и каркнул. — Я ищу Грега Сокрушителя Черепов.

В трактире стало тихо. Так тихо, что было слышно, как пылинка приземлилась на бутылку с портвейном.

— Допустим, вы его нашли, — осторожно сказал Грег. —

Но должен предупредить: черепов он больше не сокрушает. Экологически нестабильно. Да и запястья болят по утрам.

Женщина усмехнулась. Усмешка у нее была как у кошки, которая точно знает, гдемышь, но пока не хочет ее есть — интереснее играть.

— Меня зовут Морриган, — сказала она. — Это не прозвище, меня действительно так называли родители. Люди иногда бывают очень жестоки к своим детям. Я пришла, потому что...

Она замялась. Это было неожиданно: женщина, похожая на грозу в человеческом обличье, — и вдруг мнетса.

— Мне сказали, что только вы знаете, как попасть в Башню Без Лица.

Грег замер со стаканом в руке.

— Зачем вам туда? — спросил он, и голос его прозвучал ровно, даже скучающе. Трактирщик он был отменный.

Морриган посмотрела ему прямо в глаза. И сказала такое, от чего ворон на ее плече взъерошился и отвернулся, будто ему стало неловко:

— Потому что я хочу убить того, кто там сидит.

Грег медленно поставил стакан на стойку.

— Вот как, — сказал он. — Располагайтесь. Разговор, кажется, будет долгим.

Глава 4. Морриган и долгая история за стаканом портвейна

В трактире повисло то особенное молчание, которое бывает только в двух случаях: перед хорошей дракой или перед очень длинной историей. Поскольку Грег драться не собирался, а Морриган пока не выхватывала меч, оставался второй вариант.

Трактирщик не спеша достал две чистые кружки, бутылку портвейна — не самого дорогого, но достойного, с выцветшей этикеткой, на которой угадывался год, современный еще Первой Династии — и поставил перед гостьей. Ворон скосил глаз на бутылку и издал звук, подозрительно похожий на одобрителное «угу».

— Портвейн, — пояснил Грег. — Для историй, от которых першит в горле. Помогает смазывать слова.

— Я не пью, — сказала Морриган.

— Вы же, простите, с дороги, — Грег кивнул, — вид у вас решительный, но усталый. Чай? Или угадаю: вы предпочитаете воду с лимоном?

Морриган чуть приподняла бровь. Это было микродвижение, почти незаметное, но Грег за двадцать лет работы трактирщиком научился читать такие микрожесты, как иные читают книги. «Удивлена, но не хочет показывать. Ожидала

встретить старого ворчливого вояку, а наткнулась на старого ворчливого философа. Пересчитывает варианты».

— Чай, — сказала она. — Черный. Без сахара.

— Без сахара, — повторил Грег, поворачиваясь к плите. — Уважаю. Сладкое любят либо дети, либо злодеи. Вы не похожи ни на тех, ни на других.

Пока закипала вода, он чувствовал ее взгляд на своей спине. Взгляд был тяжелый, оценивающий — так смотрят на старую карту, прикидывая, не приведет ли она в болото.

— Вы знаете, кто я? — спросила Морриган, когда перед ней появилась дымящаяся кружка.

— Догадываюсь, — Грег сел напротив, пододвинул к себе свой портвейн, но пить пока не стал. — Вы — наемница. Меч без ножен, ворон на плече, доспехи легкие, но дорогие. На безымянном пальце след от кольца, которое носили долго, но недавно сняли. На запястье шрам — не боевой, бытовой, такие бывают, когда падаешь с лестницы или... когда тебя толкают. В моем трактире вы впервые, но адрес искали целенаправленно — значит, вас послали. Я прав?

Морриган помолчала. Потом усмехнулась — на этот раз кривовато, почти горько.

— Почти. Кольцо я не снимала. Его срезали, когда хоронили моего мужа.

Повисла пауза. Ворон на плече у Морриган негромко каркнул — на этот раз без наглости, скорее утешающе.

— Прошу прощения, — сказал Грег тихо. — Я иногда

забываю, что люди — это не головоломки, которые нужно разгадать. Привычка. Давняя и дурная.

— Ничего. — Морриган сделала глоток чая, посмотрела в окно. — Вы правы в главном: меня послали. Вернее, я сама себя послала. После того, что случилось в Лунной Долине.

Грег чуть не поперхнулся.

— Лунная Долина? — переспросил он. — Это же...

— Да. Три недели назад. Полторы тысячи жителей. И ни одного выжившего.

Трактирщик отставил кружку. Рука его, обычно твердая, чуть дрогнула. Лунная Долина была небольшим городком на севере — он знал его, когда-то проходил там во время одного из своих походов. Милое место: река, мельница, булочная с невероятными плюшками. Им управлял старый барон, который больше всего на свете любил своих внуков и разводил золотых рыбок в пруду. Обычный городок. Таких сотни.

— Как? — спросил Грег.

— Тень, — ответила Морриган. — Огромная тень, накрывшая всю долину. Она пришла ночью, и к утру... никого. Только пустые дома, пустые улицы и тишина. Знаете, какая тишина бывает, когда исчезают полторы тысячи человек? Даже птицы не поют. Даже ветер не дует. Тишина, как в склепе.

Она допила чай и поставила кружку на стол — аккуратно, без стука.

— Я была там через день. Меня наняли разобраться. Я

видела... следы. Следы вели на юг. К Гиблой Топи. К Башне Без Лица.

— И вы думаете, что это сделал он, — сказал Грег. — Тео.

— А вы думаете иначе?

Грег долго смотрел в окно. За окном по-прежнему светило солнце, ветер гонял листья, где-то вдалеке мычала корова. Обычный день. Обычная жизнь. И где-то там — Лунная Долина, которой больше нет.

— Я думаю, — медленно произнес он, — что Тео, каким я его знал, скорее дал бы отрубить себе руку, чем причинил вред невинному. Но это было двадцать лет назад. Двадцать лет в башне. Двадцать лет без лица, без имени, без... света. Я не знаю, кем он стал. Я не знаю, на что он теперь способен. Но я знаю точно: если тень пришла из Башни — это еще не значит, что ее послал Тео. Башня — это место. И у места могут быть свои желания.

Морриган нахмурилась.

— Вы защищаете его.

— Я защищаю правду, — отрезал Грег. — Это не одно и то же. Послушайте, госпожа Морриган. Вы пришли убить того, кто сидит в Башне. Вы думаете, это будет месть. Я понимаю. Я сам живу с чувством вины двадцать лет, и это чувство грызет меня, как ржавчина грызет старый доспех. Но если вы убьете не того — станет ли вам легче?

— Мне не нужно легче, — ее глаза сверкнули сталью. — Мне нужно справедливо.

— Справедливость, — вздохнул Грег, — это такая штука, которая в теории звучит хорошо, а на практике обычно оставляет после себя еще больше трупов. И еще больше вдов.

Он встал, подошел к стене, где висел старый гобелен с изображением битвы при Черной Переправе. Грег повесил его не для красоты, а чтобы закрывать дыру в штукатурке. Отодвинул край и достал то, что было спрятано там уже много лет. Карта. Старая, пожелтевшая, с обтрепанными краями. Карта Гиблой Топи.

— Я проведу вас к Башне, — сказал он, расстилая карту на стойке. — Но с одним условием.

— Каким? — Морриган подалась вперед. Ворон на ее плече тоже подался вперед и чуть не упал, но вовремя замахал крыльями.

— Вы не будете убивать его сразу. Вы спросите. Сначала спросите — потом решайте. Если он виновен, — Грег помедлил, и слова дались ему с трудом, — я не буду вам мешать. Если нет — мы найдем настоящего виновника вместе.

Морриган долго смотрела на него. Потом встала, протянула руку. Рукопожатие у нее было крепкое, мужское, с мозолями от меча и следами старых ожогов.

— Согласна. Когда выступаем?

— Завтра, — сказал Грег. — Сегодня я закрою трактир, соберу вещи и... попрощаюсь кое с кем.

Морриган кивнула и направилась к двери. У порога обернулась.

— А вы уверены, что хотите этого? Уверены, что готовы снова увидеть его?

Трактирщик посмотрел на свои руки — руки, которые когда-то держали лук, выпустивший стрелу в друга. Руки, которые научились месить тесто и разливать эль.

— Нет, — сказал он. — Не уверен. Но если я не пойду сейчас — я не смогу жить дальше. А у меня тут постоянные клиенты. Огр, который переходит на вегетарианство. Эльф, который ищет рифму к «апокалипсису». Кто-то же должен их кормить.

Морриган улыбнулась — впервые за весь разговор.

— Вы странный человек, Грег Сокрушитель Черепов.

— Я знаю, — кивнул он. — Я трактирщик. Это неизлечимо.

Дверь закрылась. Грег остался один. Он постоял минуту, глядя на карту Гиблой Топи, потом подошел к бару и налил себе еще портвейна.

— Ну что, Тео, — сказал он в пустоту. — Похоже, я все-таки иду к тебе. Спустя двадцать лет, три месяца и пять дней. И я понятия не имею, что скажу. Но надеюсь, ты все еще умеешь смеяться. Мне это будет нужно.

Где-то далеко, в Башне Без Лица, фигура в капюшоне подняла голову. И если бы у фигуры было лицо — она бы плакала. Или смеялась. Или и то, и другое сразу.

Глава 5. Как закрыть трактир и не закрыть сердце

Вечер опустился на трактир «У последнего героя» мягко, словно одеяло, которым укрывают ребёнка. Но Грегу было не до уюта. Он стоял посреди зала, уперев руки в бока, и оглядывал своё хозяйство с выражением полководца, которому предстоит оставить крепость.

— Значит, так, — сказал он.

Грег привык разговаривать с предметами. Они, в отличие от людей, не перебивали и не давали дурацких советов. — Меня не будет примерно... ну, допустим, неделю. Может, две. Может, навсегда — если Морриган окажется права, и Тео за эти годы превратился в законченного злодея. В любом случае, трактир должен жить.

Он подошёл к стойке, достал из-под неё грифельную доску, на которой обычно писал меню («Суп "Остатки былой роскоши" — 2 медяка», «Пирог "Завтра точно на диету" — 3 медяка», «Эль "Светлый" — бесценно»), и старательно вывел мелом: «Трактир закрыт по техническим причинам. Трактирщик ушёл исправлять ошибку двадцатилетней давности. Ключ под половиком у крыльца. Эль в погребе. Пирог в кладовке. Кто съест — заплатите, когда вернусь. Или не заплатите — на том свете сочтёмся. Грег Сокрушитель

Черепов».

Потом начались сборы. Дорожный плащ, который Грег не носил уже много лет, всё ещё висел в чулане и пах нафталином и воспоминаниями. Он встряхнул его — из складок выпала засохшая моль, которая, видимо, умерла от старости, так и не дождавшись, пока плащ снова наденут.

«Вот так и я», — мрачно подумал Грег, но развивать мысль не стал. Жалость к себе — роскошь, которую трактирщик не мог себе позволить. Особенно сейчас.

Он достал старый походный мешок. Положил туда флягу с элем «Забвение долгов» (лекарство универсальное), моток верёвки (на всякий случай), смену белья, огниво, соль в тряпице и маленький мешочек с сушёными травами — от простуды, от болей в колене и от тоски. Грег надеялся, что в дороге тоска уступит место более практичным чувствам. Например, страху. Или голоду.

Затем он подошёл к стене, где на двух гвоздях висел меч. Старый, но ухоженный — Грег тайком чистил, смазывал и полировал его, хотя вслух утверждал, что «эта железяка только стены царапает». Клинок назывался «Последний Довод», и это имя было не просто красивыми словами: меч действительно был последним доводом в спорах, которые Грег предпочитал заканчивать быстро.

Он снял меч с гвоздя. Рукоять легла в ладонь, как рука старого друга — неуклюже, но тепло.

— Ну что, старик, — сказал он мечу. — Погуляем?

За этим занятием его и застал Огр.

Дверь скрипнула, и в трактир буквально втёк Добрый Малый — он научился проходить в дверь боком, но всё равно каждый раз задевал косяк плечом и виновато извинялся перед дверью. Сегодня он был без ромашек, зато с огромным рюкзаком, из которого торчали капустные листья и угол какой-то книги.

— Ты уходишь! — прогудел он с порога, увидев Грега с мечом. — Я так и знал! У тебя глаза ещё утром были как у человека, который решился!

— И тебе добрый вечер, Добрый Малый, — вздохнул Грег. — Да, ухожу. Дела.

— Я с тобой! — заявил Огр, и это прозвучало так, будто гора решила немножко пройтись. — Я уже собрался! Взял капусту, взял книгу «Психология для чудовищ: как принять свою траву», взял сковороду...

— Стоп, стоп, стоп, — Грег поднял руку. — Ты — со мной? В Гиблую Топь? К Башне, где сидит существо, которое, возможно, уничтожило полторы тысячи человек?

— Именно! — кивнул Огр. — Во-первых, я сильный. Во-вторых, я теперь на позитиве. В-третьих... — он замаялся, переминаясь с ноги на ногу (половицы жалобно скрипнули). — Ты единственный, кто дал мне шанс, Грег. Единственный, кто не пытался убить меня или сдать в зоопарк для мифических существ. Я у тебя в долгу.

Трактирщик хотел возразить — в конце концов, брат с

собой Огра в опасное путешествие было всё равно что брать на войну боевого слона, который вдобавок ещё и рефлексивует. Но потом он посмотрел в огромные, полные надежды и капустного энтузиазма глаза — и сдался.

— Ладно, — сказал он. — Но с одним условием.

— Каким?

— Если встретим врага — ты не извиняешься. Ни перед кем. Договорились?

Огр задумался на целую минуту. Лоб его сморщился так, что на нём можно было пахать.

— А если враг скажет, что я сделал ему больно? — спросил он наконец.

— Хорошо, извинишься, — разрешил Грег. — Один раз. И добьёшь. Это война, Добрый Малый, а не групповая терапия.

Огр просиял и кивнул так энергично, что люстра над головой опасно качнулась.

— Собирайся, — сказал Грег. — Выходим на рассвете. Нас будет трое: я, ты и одна дама с вороном. Очень суровая дама. Постарайся не предлагать ей капусту, она не оценит.

— У меня осталась одна ромашка, — заявил Огр. — Она немножко завяла, но ещё красивая.

Грег представил лицо Морриган, когда Огр протянет ей завядшую ромашку и скажет что-нибудь вроде «Вы прекрасны, как рассвет над капустным полем». Потом представил, как Морриган выхватывает меч. Потом представил, как Огр

извиняется, лёжа на земле с отрубленной ромашкой.

— Лучше не надо, — сказал он. — Просто... будь собой. Но поменьше. Если это возможно.

Ночью, когда Огр устроился прямо во дворе, на куче сена, и храпел так, что звёзды подрагивали, Грег сидел в пустом зале. Свеча почти догорела. Он смотрел на карту Гиблой Топи. Маршрут был старый, но память услужливо подсказывала каждую кочку, каждую лужу, каждый поворот. Дорога к Башне. Дорога, которую он проделал двадцать лет назад.

— Я иду, Тео, — тихо сказал он. — Не знаю, зачем. Может, чтобы попросить прощения. Может, чтобы остановить. А может, просто чтобы снова увидеть твоё лицо. Если оно у тебя ещё есть.

Свеча мигнула и погасла. Но темнота в трактире не была враждебной. Она была старой, знакомой, родной. Трактир прощался со своим хозяином и обещал дожждаться.

Глава 6. Рассвет, ромашка и первый шаг

Рассвет в этих краях был существом стеснительным. Он не врывался в мир оглушительным сиянием, как это любят изображать на героических гобеленах, а просачивался понемногу: сначала робко серел край неба, потом наливался бледной желтизной, и наконец, набравшись храбрости, выкатывал солнце — красное, заспанное, явно не выспавшееся.

Грег стоял на крыльце трактира и смотрел, как свет медленно заливает двор. Плащ, всё ещё пахнувший нафталином, тяжело лежал на плечах. Меч «Последний Довод» висел на поясе и, кажется, тихо радовался — если мечи вообще способны радоваться. По крайней мере, Грегу показалось, что клинок слегка потеплел, когда его вынули из ножен на пробу.

На плече у трактирщика сидел ворон. Чужой ворон. Морриган прислала его вперёд с запиской: «Буду через час. Задерживаюсь. Примеряю боевой амулет. Птицу покормите, он ест всё, но предпочитает сыр».

Ворон оказался на редкость разговорчивым для посланца мрачной воительницы.

— Сы-ы-ыр, — протянул он, скосив глаз на Грега. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь, и какой-то осуждающий.

— Сыра нет, — ответил Грег. — Есть хлеб и вчерашний пирог.

— Пирог, — недовольно каркнул ворон и отвернулся, всем видом показывая, что он согласен, но осадочек остался.

Огр уже ждал во дворе. Он сидел на куче сена, которая за ночь ощутимо просела под его весом, и сосредоточенно читал свою книгу «Психология для чудовищ». Губы его шевелились, а брови то и дело взлетали вверх — видимо, попадались особенно глубокие мысли. Рядом стоял его исполинский рюкзак, из которого торчали: три кочана капусты, сковородка, плед в клеточку, мешочек с сушёными ромашками для чая и рамка с портретом какого-то пожилого огра с добрыми глазами — вероятно, матушки.

— Доброе утро, Добрый Малый, — сказал Грег, подходя. — Ты уверен, что тебе нужна сковородка в походе?

— А вдруг мы встретим мирных путников, и их нужно будет накормить? — резонно возразил Огр, не отрываясь от книги. — Кроме того, сковородка — это ещё и оружие. Я читал в одной книге. «Кулинарный бой: искусство сражаться тем, что под рукой». Очень вдохновляет.

Грег хотел сказать, что мирных путников в Гиблой Топи не водится по определению, но передумал. Пусть будет сковородка. В конце концов, в их отряде есть боевой вегетарианец, нервный ворон и трактирщик с больным коленом — почему бы не добавить сковородку для полноты абсурда?

Морриган появилась ровно через час, как и обещала. До-

спехи её были начищены, меч на поясе сиял, волосы заплетены в тугую косу, перехваченную кожаным шнурком. На шее у неё теперь висел амулет — тёмный камень в серебряной оправе, который, казалось, слегка пульсировал, как сердце какого-то небольшого, но очень недовольного зверька.

— Вы готовы? — спросила она вместо приветствия.

— Почти, — ответил Грег. — Позвольте представить: это...

Он повернулся к Огру, но Огр уже сам шагнул вперёд. И — о ужас — протянул Морриган ту самую завядшую ромашку.

— Это вам, — прогудел он, и голос его дрожал от волнения. — Вы прекрасны, как... как...

Он осёкся, видимо, вспомнив предупреждение Грега. Но нужные слова не приходили, пауза затягивалась, и в отчаянии Огр выдал:

— ...как хорошо приготовленный суп!

Повисла тишина. Ворон на плече Грега подавился пирогом и закашлялся. Грег зажмурился, ожидая худшего.

Но Морриган, к его глубочайшему изумлению, взяла ромашку. Осторожно, двумя пальцами, как берут что-то хрупкое и неожиданно ценное.

— Спасибо, — сказала она. — Мне никогда не дарили цветов перед битвой.

Она помедлила и добавила, уже тише:

— Суп я тоже люблю. Особенно грибной.

Огр просиял так, что на него стало больно смотреть. Если бы у него был хвост, он бы, несомненно, завилял им.

— Я умею готовить грибной суп! — заявил он. — Если мы разобьём лагерь, я сварю! У меня и грибы с собой есть! Сушёные! Я их сам собирал, и некоторые немного светятся в темноте, но это, наверное, витамины.

— В Гиблой Топи светящиеся грибы — это не витамины, — мрачно заметил Грег. — Это либо портал в другое измерение, либо медленная мучительная смерть. Постараемся обойтись без супа.

— Ну вот, — вздохнул Огр. — А я так хотел быть полезным.

— Ты будешь полезным, — сказала Морриган, и в её голосе прозвучало что-то, отдалённо напоминающее утешение. — Ты будешь боевым моральным духом.

— Это как?

— Это значит, что, пока ты с нами, мы не имеем права падать духом. Потому что если ты — такой большой, такой добрый — не боишься, то и мы не должны.

Огр задумался на секунду, переваривая услышанное. А потом улыбнулся. Улыбка у него была — как рассвет над горами: медленная, широкая и совершенно неожиданная в своей красоте.

— Понял, — сказал он. — Я буду боевым моральным духом. И буду следить, чтобы никто не грустил. А если кто-то начнёт — у меня есть ромашковый чай.

Грег, наблюдавший эту сцену, почувствовал, как что-то в груди — то самое, что он двадцать лет старательно маскировал цинизмом и элем, — чуть-чуть оттаяло. Самую малость. На толщину завядшего ромашкового лепестка.

— Ладно, — сказал он, закидывая мешок на плечо. — Отряд, стройся. Или не стройся. В общем, просто идите за мной. До Гиблой Топи день пути, и чем раньше мы выйдем, тем меньше шансов, что нас сожрут болотные твари.

— А они... они ведь тоже живые существа, — робко заметил Огр, подхватывая свой рюкзак. — Может, им просто одиноко?

— Добрый Малыш, — сказал Грег, не оборачиваясь, — болотные твари — это порождения Тьмы. У них нет души, нет совести и нет чувства прекрасного. Если ты начнёшь предлагать им цветы и грибной суп, они сожрут тебя вместе с цветами и супом, а на десерт попросят добавки.

— Ясно, — вздохнул Огр. — Но я всё равно попробую договориться. Вдруг у них просто было трудное детство?

Морриган, шедшая рядом с Грегом, покосилась на него.

— Где вы его взяли? — тихо спросила она.

— Он сам пришёл, — ответил Грег. — В трактир часто приходят те, кому больше некуда идти. Это профессиональная деформация помещения: оно притягивает неприкаянных.

Он помолчал и добавил:

— Не судите его строго. Он хороший. Просто мир ещё не

придумал, как использовать таких, как он. А жаль.

Морриган ничего не ответила. Но ромашку, зажатую в пальцах, она не выбросила. Аккуратно вложила в петлицу доспеха, рядом с амулетом.

Ворон, перелетевший с плеча Грега на плечо хозяйки, скопился на цветок и каркнул:

— Прекрас-с-на, как с-с-суп! Ха!

— Помолчи, — сказала Морриган. Но в уголках её губ что-то дрогнуло. Возможно — тень улыбки. А возможно — просто утренний ветер.

Дорога вводила их на юг. За спиной оставался трактир с табличкой на двери, ключом под половиком и запасом пирогов в кладовке. Впереди лежала Гиблая Топь — серая, туманная, полная опасностей и воспоминаний.

Грег шагал первым, чуть прихрамывая на левую ногу. Колено, как всегда, напоминало о себе в самое неподходящее время. За ним — Морриган, прямая и молчаливая, как клинок. Замыкал отряд Огр, который то и дело спотыкался о корни, но каждый раз успевал подхватить рюкзак и извиниться перед корнем.

— Извините, — бормотал он, поглаживая ушибленное место. — Я случайно.

А где-то вдалеке, скрытая туманом и временем, ждала Башня Без Лица. Ждала Грега, который шёл к ней с мечом на поясе и двадцатилетней тяжестью на сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.